

На правах рукописи

РУДАНОВСКАЯ Светлана Валерьевна

**СОЦИАЛЬНАЯ КРИТИКА:
МОДЕЛИ ПРАКТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва – 2003

Работа выполнена на кафедре социальной философии Российского университета дружбы народов.

Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент
М.М. Мчедлова

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор

Грехнев Вадим Сергеевич

кандидат философских наук

Шихлинский Субхи Османович

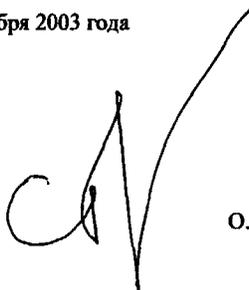
Ведущая организация – Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (МВТУ)

Защита состоится 24 декабря 2003 года в 16 ч 30 м на заседании диссертационного совета по философским наукам Д 212.203.02 в Российском университете дружбы народов по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, ауд. 605.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Российского университета дружбы народов.

Автореферат разослан 22 ноября 2003 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук,
доцент

О. Н. Стрельник

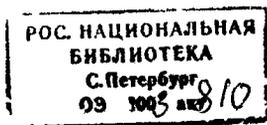
2003-А
20243

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена значением социальной критики для развития гуманитарных и социальных наук. Проблемное поле социальной критики определяется историческим контекстом, в котором она реализуется. Обращение к изучению этого феномена продиктовано необходимостью ответить на широкий круг социально-философских вопросов, представляющих для человека эвристическую ценность и жизненный смысл. К таким вопросам относится проблема конфликта человека с окружающей его действительностью, его борьба за свою интеллектуальную и политическую свободу на фоне самодовлеющих социальных детерминант. Критическая концептуализация современного мира является своеобразным способом человеческой рефлексии, органично присущей философскому знанию. Именно поэтому представляется актуальным раскрыть специфику критического дискурса, который отличается от разнообразных "критик", характеризующихся нерелексивностью высказываний.

Интерес к социальной критике вызван также новыми возможностями, открывающимися в процессе конструирования современных публичных сфер (в том числе и виртуальной), и в этой связи с новыми воздействиями, с которыми сегодня нельзя не считаться. Социальный критик имеет возможность обращаться к массовой аудитории (к аудитории, которая смотрит телевизор, читает газеты, путешествует по сетям Интернета), влиять на взаимоотношения между представителями различных социальных групп, поднимать уровень социальной рефлексии, которая становится все более насущной для широких слоев населения, и тем самым способствовать формированию открытой для дискурса общественности.

Актуальность заявленной темы определяется тем, что критическая позиция сама по себе обнаруживает новые аспекты социальной реальности, характеризующейся динамичностью, подвижностью и многообразием интерпретаций, от которых во многом зависит восприятие социальных фактов и событий. Изучение социальной критики способствует не только приращению знания о процессах социальной действительности, но и ведет к исследованию формирования знания в рамках "живых" процессов коммуникации, где действуют не модели

социальных субъектов, но индивиды со своими привычками, культурными предпочтениями, желаниями и надеждами. Данный подход обладает эвристической значимостью, поскольку позволяет включить в поле исследования не только экзистенциально-личностный, но и социально-практический пласт человеческого существования, по-новому поставить вопрос о том, что является социальным, как социальное отражается в сознании человека, а также вопрос о реальном и воображаемом.

Степень научной разработанности проблемы.

Тема социальной критики нашла отражение в исследованиях как отечественных, так и зарубежных авторов.

В отечественной литературе тема социальной критики рассматривалась, прежде всего, в контексте проблематики марксистской теории и философии. Этому посвящены работы Баллаева А.Б., Карагодина А.И. Косякова В.М., Роцинского С.Б. и др.¹. Следует отметить ряд работ, в которых анализируется идейное наследие критической теории Франкфуртской школы, а также современные тенденции в становлении социально-философской критики. Это работы таких авторов, как Вершинин С.Е., Гайда А.В., Давыдов Ю.Н., Максутов А., Фурс В. и др.². Различные аспекты социальной критики и критической рефлексии в целом представлены в работах Савова С.Д., Червонной Л.Г., Черковой Е.Л., Шишкова И.В. и т.д.³.

В зарубежной литературе следует выделить следующие направления исследования социальной критики. Во-первых, это работы американского автора

¹ Баллаев А.Б. Формирование концепции социальной критики в творчестве К. Маркса (Депонированная рукопись) Одесса, 1984; Карагодина А.И. Роль критики в активизации человеческого фактора // Человек в системе общественных отношений – Саратов, 1989; Косяков В.М. Исследование проблемы развития общественной критики: (Социологический подход). Автореф. дис. ... канд. филос. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1985; Роцинский С.Б. Социальная критика: предмет, структура, функции // Социальное развитие: философско-методологические проблемы. М., 1987.

² Гайда А.В. "Неомарксистская" философия истории. Красноярск, 1986; Вершинин, С.Е.; Гайда А.В. "Критическая теория" против социальной технологии // Социс. – М., 1983. – №2; Вершинин, С.Е.; Гайда А.В.; Шульц В.Л. Коммуникация и эмансипация. Критика методологических основ социальной концепции Юргена Хабермаса. Свердловск, 1988.; Давыдов Ю.Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы М., 1977. Максутов, А. Критическая теория и современность. Екатеринбург, 1998; Фурс, Владимир Контуры современной критической теории. Мн., 2002.

³ Савов С.Д. "Ирония как форма социальной критики и самокритики" // Этика и эстетика – Киев, 1985. – вып. 28.; Червонная Л.Г. Метаморфозы социальных идей / РАН. Урал. отд.-ние. Кав. философия. – Екатеринбург, 2001; Чертова Е.Л. Рациональность – критика – свобода // Исторические типы рациональности:

М. Уолцера, посвященные исследованию социальной критики как интерпретации⁴. Во-вторых, это работы по критической теории Франкфуртской школы и современной критической теории – Ш. Бенхабиб, П. Коннертон, А. Хоннерт, Д. Хой, Д. Келлнер, Т. Маккарти, Дж. Томпсон и др.⁵. В-третьих, особую категорию составляют работы, проблематика которых, является смежной с социальной критикой: критическая педагогика (А. Жиру)⁶, литературная и социальная критика (Ф. Джеймсон, Т. Иглтон)⁷, этнологическая критика (Т. Асад, Р. Розальдо)⁸, критика в рамках социальных движений (Р. Вутнау, А. Турен, С. Фуллер)⁹.

Объектом данного исследования являются модели социальной критики, разработанные в рамках американской и европейской социальной теории и философии XVIII-XX вв, а также разнообразные практики критической интерпретации (пророчество, литературная критика, этнологические исследования, повседневные интеракции, идеология, утопия, психоанализ).

Предметом исследования выступает социальная критика как способ формирования практического знания, задающего нормы социальной деятельности и артикулирующего возможности социального бытия.

Цель исследования состоит в экспликации мировоззренческих оснований социальной критики, исходя из способов организации дискурса и особенностей интерпретации. Основное внимание уделяется выявлению и анализу зависимо-

В 2 т. – М., 1995. – Т.1.; Шнишков И.З. В поисках новой рациональности. Философия критического разума. М. 2003.

⁴ Уолцер М. Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века. М., 1999.; Walzer, M. *Interpretation and Social Criticism*. Cambridge, 1987.

⁵ Benhabib, Seyla *Critique, Norm and Utopia: A Study of the Foundation of Critical Theory*. N.Y.: Columbia University Press, 1986; Connerton, Paul *The Tragedy of Enlightenment*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980; Honnert, Axel "The Social Dynamics of Disrespect: On the Location of Critical Theory Today" // *Constellations* – N.Y., 1994. – Vol. 1, N2, 1994; Kellner, Douglas *Critical Theory, Marxism and Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1989; Hoy David Couzens and Thomas McCarthy *Critical Theory*. Cambridge; Oxford: Blackwell, 1995; Thompson, John B. *Ideology and Modern Culture Critical Social Theory in the Era of Mass Communications*. Stanford, California: Stanford University Press, 1990.

⁶ Giroux, Henri A. *Schooling and the Struggle for Public Life Critical Pedagogy in the Modern Age*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988.

⁷ Eagleton, Terry *Marxism and Literary Criticism*. L.: Methuen & CoLTD, 1976.; Eagleton, Terry *The Function of Criticism*. L.: Verso, 1984; Jameson, Frederick *The Political Unconscious. Narrative as a Socially Symbolic Act*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1983.

⁸ *Anthropology and the Colonial Encounter* // Ed. by Talal Asad L: Ithaca Press, 1973; Rosaldo, Renato *Culture and Truth*. Boston. Beacon Press, 1989.

⁹ Турен, Алэн *Возвращение человека действующего Очерк социологии*. М.: Научный мир, 1998. Fuller, Steve "Is Science Study Lost in the Kuhnian Plot?: On the Way Back from Paradigms to Movements" // *Science as Culture*. – L., 1999 – vol 8, N4. Wuthnow, Robert *Communities of Discourse. Ideology and Social Structure in the Reformation, the Enlightenment and European Socialism*. Cambridge, 1989.

сти между идеальными представлениями о социальной реальности и проектами преобразования действительности.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть особенности критического мышления в контексте теоретического и практического знания;
- продемонстрировать эволюцию способов легитимации социальной критики, таких как этическая, философская, религиозная, эстетическая и революционная;
- показать связь практического знания с политическим и коммуникативным вооб­ражением;
- проанализировать конституирующую роль социальной критики в постановке социальных проблем и интерпретации идеалов культуры;
- раскрыть историческое изменение представлений о субъекте и объекте соци­альной критики в рамках критического дискурса;
- рассмотреть социальную критику как жизненную позицию и смысловой ори­ентир социальной деятельности;
- выявить цели и задачи социальной критики в ситуации культурного плюра­лизма.

Теоретико-методологическую базу исследования составила совокуп­ность концептуальных положений и идей таких авторов, как Вольтер, К. Маркс, С. Кьеркегор, З. Фрейд, А. Камю, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Ги Де­бор, Ж. Бодрийяр, М. Фуко, Ю. Хабермас и др. Этот выбор обусловлен значи­мостью данных подходов в практике и теории социальной критики. В процессе работы над диссертацией был проведен анализ широкого круга отечественных и зарубежных источников, который включает в себя социально-философскую и социологическую литературу на английском языке, в том числе ранее не перево­дившуюся на русский язык. Основное внимание при изучении проблемного поля социальной критики уделялось теоретическим и методологическим наработкам американского философа и политолога М. Уолцера, а также типологии знания, предложенной американским автором Ф. Махлупом.

В диссертации были использованы:

- общенаучные и общеполитические методы, такие как анализ и синтез, индукция и дедукция, исторический и логический анализ;
- принципы системного и комплексного анализа исследуемой проблемы;
- неклассическая методология познания, созданная в рамках социальной феноменологии (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман);
- философия возможного (М. Эпштейн).

Научная новизна работы заключается в определении проблемного поля социальной критики как практического знания, преобразовательные возможности которого обусловлены особенностями построения и обоснования дискурса.

В диссертации получен ряд результатов, обладающих научной новизной:

- выявлены и проанализированы различные подходы к исследованию соотношения между критической интерпретацией и трансформацией существующего знания, конструированием новых значений; результаты данного анализа использованы в рассмотрении социальной критики как творческой деятельности и авторского дискурса, влияющего на образование нового знания в обществе;

- дана интерпретация социальной критики как этического дискурса: её связь с “этическим пророчеством” и идеалами Просвещения, а также с эстетическим и революционным способами решения социальных проблем;

- рассмотрены модели социальной критики в рамках теоретического дискурса, в которых формируется активная позиция субъекта, руководствующегося идеалами освобождения; показано, что возможности, к которым апеллирует критика на основании философского знания и утопических перспектив мышления, являются, прежде всего, возможностями самой критической рефлексии;

- выделены и проанализированы модели социальной критики, отражающие современную ситуацию культурного плюрализма (этнология Р. Розальдо, искусство дифференциации М. Уолцера, этика дискурса Ю. Хабермаса и Ш. Бенхабиб); на основании этих моделей осуществлен анализ особенностей критического дискурса по сравнению с теоретическим; дана собственная трактовка социальной критики как события межкультурного взаимодействия.

Теоретическая значимость проведенного исследования состоит в экспликации и интерпретации разнообразных функций и сущностных черт соци-

альной критики, что способствует расширению и углублению собственно социально философского знания. Использование различных исследовательских парадигм, в том числе неклассических, при анализе феномена социальной критики позволяет сделать ряд более общих выводов о способах функционирования и формирования социально-гуманитарного знания.

Практическая значимость результатов исследования

Основные результаты диссертационного исследования могут быть использованы в общих курсах по социальной философии, социальной эпистемологии, истории философии, в спецкурсах, а также в ходе дальнейшего изучения актуальных проблем социальной критики.

Апробация результатов исследования. Отдельные проблемы данной темы нашли отражение в выступлении автора на конференции молодых ученых “Восток-Запад. Диалог культур и цивилизаций” 1999 (РУДН), в тезисах, представленных на Третий Всероссийский Философских Конгресс 2002 (Ростов-на-Дону), а также в работе по гранту для аспирантов РУДН “Знание в системе социальных потребностей и коммуникаций” (2002-2003). Часть результатов исследования была апробирована в учебном процессе, в спецкурсе “Конструирование социальной реальности”, подготовленном на кафедре социальной философии РУДН (2002-2003).

Диссертация обсуждена на кафедре социальной философии 26 сентября 2003 года и рекомендована к защите.

Структура работы. Цели и задачи исследования обусловили логику и структуру диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении отражены актуальность и степень научной разработанности темы исследования, определяется цель и основные задачи диссертации, её теоретико-методологическая основа, научная новизна и практическая значимость результатов исследования.

Первая глава “Критическое мышление в контексте теоретического и практического знания” посвящена становлению понятия критического мышления и рассмотрению его связи с различными видами знания –эстетическим, научным, идеологическим и повседневным, а также его роли в формировании самосознания человека.

В первом параграфе “Литературная критика как искусство интерпретации текстов и художественное знание” рассматривается одно из исходных значений термина “критики”, касающееся анализа художественных текстов. Литературная критика связана с эстетическим знанием, основанным на теоретических построениях и в то же самое время на индивидуальных предпочтениях и вкусах критика, на искусстве интерпретации. Анализ двух подходов к литературной критике – позитивистский (для которого критика есть способ обнаружения объективного знания, заложенного в тексте) и феноменологический (для которого критика является одной из множества интерпретаций и основана на критерии убедительности и правдоподобности).

В литературной критике сильнее, чем где бы то ни было, проявляется конституирующая функция критического мышления, т.е. способность не столько вскрывать уже имеющиеся смыслы, но и продуцировать свои собственные. Критика позволяет выходить за рамки буквального понимания текста, создавать историю литературы, помещать произведение в те или иные концептуальные рамки, а также создавать новое литературное произведение, которое, в свою очередь, само требует интерпретации.

Во втором параграфе “Критический рационализм и метод проверки научного знания” критика рассматривается как тип мышления, отличающееся самостоятельностью, способностью аргументировать те или иные точки зрения, а также подвергать сомнению принятые схемы интерпретации, в том числе и научные. В указанном значении критика характеризует философскую и научную культуру.

Подобный подход используется в современном критическом рационализме, представленном такими именами как Карл Поппер, Ханс Альберт, Ханс Ленк, Хельмут Шпиннер. Критика противопоставляется догматизму и отождест-

вляется с методом, целью которого является выявление противоречий и необоснованных претензий на истинность в процессе познания. Метод критической проверки является не только способом обоснования того или иного знания, но и фактором его дальнейшего развития, противодействующим замыканию научного знания на тех или иных теоретических положениях. Критическая интерпретация встроена в процесс познания, в процесс “перевода” безусловного знания в гипотетическое, доступное инспекции разума. Вместе с тем в русле данного подхода критика представляется не только элементом научной культуры, но и необходимым условием рационального решения проблем.

В третьем параграфе “Критическая рефлексия и опыт самосознания” анализируется значение критики как способа освобождения от иллюзий, мешающих подлинной самоидентификации. Прослеживаются истоки возникновения этого значения, восходящие к философии Гегеля, младогегельянцев, а также теории К. Маркса.

Идея критики как формирование индивидуального сознания в XX веке получает своеобразную трактовку в методе психоанализа З. Фрейда и философии абсурда А. Камю. В контексте психоанализа критическая рефлексия призвана выявить генезис и причины неосознаваемых внутренних конфликтов, вернуть человека к активной и “нормальной” социальной деятельности. Неотъемлемой характеристикой психоаналитического метода становится реконструирование смысловой биографии человека, проговаривание значений и психологических нюансов тех или иных событий. Теоретическое знание (о структуре и работе психологического аппарата, о природе социальных норм или природе сновидений) становится фоном для интерпретации и конструирования знания о собственном Я.

Критическая рефлексия в рамках философии абсурда является не только способом выявления противоречий между индивидуальным сознанием и действительностью, но и способом фиксации этих противоречий. Механизм формирования идентичности является в данном случае не реконструирующим, а дифференцирующим, различающим, делающим акцент на неразрешимом конфликте с действительностью, в которой разум не находит себя. Подобное противостояние

одновременно основывается на потребности в смысле, и на искусстве интерпретации, которое исключает этот смысл из природного и социального мира. Одновременно искусство обнаруживать абсурд, т.е. возобновлять сознание того, что не поддается осознанию, есть искусство удостоверять собственную идентичность в обостренном понимании невозможности понимания. Критическая рефлексия в данном случае не столько переводит теоретическое знание в практическое, сколько является процессом обретения знания о своем незнании.

В четвертом параграфе “Критическая идеология: радикальная интерпретация и практическое знание” рассматриваются возможности критического мышления в рамках революционно-идеологического знания.

Согласно современному исследователю критической идеологии Р. Вутнау, этот дискурс особым образом тематизирует реальные социальные конфликты, ориентируясь на “бинарную” логику. Противоречия, существующие между участниками конфликтов, доводятся до своей кульминации, получая статус непримиримой борьбы добра и зла, положительного и отрицательного полюсов существования, а также персонализируются в виде “носителей” определенного типа поведения и способов мышления (например, пролетариат и буржуазия). “Символическое действие”, являясь воплощенным моральным идеалом (как необходимо поступать), выполняет одновременно и критическую функцию (предоставляет критерий оценки действий) и практическую функцию (классифицирует социальные группы на типы, вырабатывает сознание “свои – чужие”, способствует самоидентификации с положительным полюсом существования).

В рамках идеологии критика приобретает радикальный характер, превращается в отрицание существующего порядка, становится фоном для конструирования проектов нового устройства общества. Она в большей степени заменяется демиургическим действием создания нового, чем интерпретацией того, что есть в действительности. Формально критическая идеология ориентируется на критическое мышление, но фактически исключает его, подчиняет собственным проектам.

В пятом параграфе “Интерпретация и критика в контексте повседневного знания” критическая рефлексия анализируется на фоне повседневных ин-

терпретаций и практических объяснений, которые, как показывают представители социальной феноменологии (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман) являются результатом освоения общего запаса знания и участия в социальных интеракциях.

Особенности критики на фоне повседневного знания заключается в том, что это знание несет в себе презумпцию смысла происходящего, которая важна как предпосылка любого действия и взаимодействия. Следует выделить и нормализующую функцию критики, которая служит сохранению привычных значений, элиминирует непонятное, угрожающего общему согласию и общим представлениям о нормальном и ненормальном. В этом случае объектами критики становятся те явления, которые не соответствуют всеобщему консенсусу, нарушают изначальный конформизм повседневности.

Кроме того, научно значимым представляется и отличие критики, основанной на коллективном или индивидуальном опыте интерпретации, от повседневных практических объяснений. По отношению к повседневным объяснениям критика выделяется в особую деятельность, в разговор, в дискуссию по поводу того, как нужно поступать и жить. Но вместе с тем дискуссия о том, как нужно жить, способствуя изменению существования, не может заменить саму жизнь. Это означает, что критика в повседневности в отличие от повседневных интерпретаций всегда имеет дискретный характер.

В заключение главы делается вывод о том, что любая критика основывается на некотором запасе знания, и в то же время предполагает процесс интерпретации этого знания, которая либо ничего не прибавляет к существующему запасу знания (интерпретация в рамках идеологии), либо становится фактором формирования нового знания (научная, литературная, философская критика). Дается анализ особенностей критической интерпретации в контексте теоретического и практического знания и подчеркивается несводимость критического мышления только к процессу интерпретации. Собственно критика связана, прежде всего, со способностью разума отрицать те или иные постулаты, вносить рассогласование в существующие смыслы, занимать активную, зачастую конфликтную и антагонистическую позицию.

Вторая глава диссертации **“Социальная критика как этический дискурс”** посвящена историческим моделям социальной критики, направленной на существующие моральные нормы и продуцирующей идеал **“нового человека”** с новыми ценностными ориентирами и новыми потребностями. Основное внимание в этой главе уделяется двум способам построения дискурса, которые выделяет американский социолог и политолог М. Уолцер. Один из этих способов основан на вере в те или иные истины (критика-откровение), другой – на доверии к тому или иному методу (критика-изобретение).

В первом параграфе **“Социальная критика и мораль”** дается определение социальной критики, функции которой частично совпадают с функциями морали в формировании представлений о сущем и должном, касающихся норм социального общежития. Но вместе с тем, социальная критика является **“вторичной”** интерпретацией морали, исходя из авторской точки зрения (философско-просветительской, революционной, литературно-эстетической).

Во втором параграфе **“Этическое пророчество”** религиозная критика общества рассматривается как тип социальной критики, характеризующейся особыми чертами. Прежде всего, это разоблачение **“ложного”** соблюдения морали и повторное утверждение уже известных императивов, апелляция к моральному сознанию. Следует выделить также амбивалентную характеристику религиозной критики, такую как пессимистическое отношение к возможности социальных изменений и в то же время решимость повлиять на судьбу человека здесь и сейчас. Одновременно религиозная критика характеризуется таким свойством, как абсолютная убежденность в истинности тех или иных заповедей, влекущим за собой этический ригоризм и **“страдательный”** характер дискурса, при котором аудитория и сам пророк становятся реципиентами Божественной воли.

В третьем параграфе **“Философия Французского Просвещения и “естественная логика разума”** раскрываются основные черты социальной критики, основанной на вере в естественную логику разума. Предпосылкой социальных изменений в данном случае становятся несоответствие между существующими нормами и принципами здравого смысла.

Социальная критика в эпоху Просвещения ставит своей целью реальное изменение жизни людей, оптимизацию социальных условий существования. При этом гарантом социальных изменений выступает преобразовательная сила самого разума. Вместе с тем в диссертации показано, что данный тип критической интерпретации носит во многом литературный характер и ограничивается салонными диспутами, в которых главным критерием оценки является эстетическая форма мысли, её убедительность и оригинальность. В этой критике также просматриваются черты религиозно-этической дистанции между критикой и аудиторией, примером этому служит отношение просвещенного философа, выступающего с позиции универсального разума, к непросвещенной толпе, которой незнакомы восторги познания, восхищение “необъятностью бесчисленных миров”¹⁰.

В четвертом параграфе “Социальная критика в творчестве К. Маркса” анализируется соотношение трех различных типов дискурса: этического, научного и революционного, их влияние на создание мотивов социальных преобразований.

Этическая критика апеллирует к чувству справедливости, к ценности самореализации человека в трудовой деятельности, которая должна превратиться из средства поддержания жизни в источник полноценного существования. Научная критика ссылается на существование закономерностей исторического развития, на исторические причины зла в истории (эксплуатация человека человеком) и социальные причины деградации человека. Принцип нормативной критики заменяется здесь принципом соответствия духу времени. И, наконец, революционная критика (“критика оружизм”) приобретает антиэтический и антитеоретический характер, разоблачая все существующие нормы как ложные и призывая к радикальным действиям.

Сложность теоретических построений социальной критики К. Маркса состоит в неоднозначности авторской позиции, в смешении различных стилей критического дискурса, в котором присутствуют критика-откровение и методологи-

¹⁰ Вольтер *Философские сочинения*. М.: “Наука”, 1996. С.508.

ческая критика, проекты освобождения и подобие религиозного пути, в начале которого у человека нет ничего, а в конце он приобретает весь мир.

Сочетание морального пафоса, присущего религиозным деятелям, с научными интенциями, обусловлено, прежде всего, тематической близостью марксизма к религиозным учениям (А. Макинтайр и А. Гулднер). И в том, и в другом случае на первый план выходит образ человека, страдающего от социальных условий и надеющегося на спасение. Кроме того, научная культура 19 века, к которой был близок К. Маркс, была настроена религиозно-оптимистически в отношении развития общества в целом. Вера в прогресс общества соединяла в себе веру в разум с религиозным воображением, представляющим хилиастические образы преодоления страданий и вражды между людьми.

В пятом параграфе **Литературно-философская критика конца XVIII-XIX вв: романтическая ирония и экзистенциальная мораль** анализируется критика повседневности, охватывающая "вечные" проблемы социального бытия: господство абстрактных принципов и готовых схем интерпретации действительности, асинхронное соотношение между субъективной и объективной реальностями, прагматическое, поверхностное отношение к жизни.

С одной стороны, это критика нейтральна к морали и делает акцент на эстетическом опыте прочтения текста, в котором открываются новые пласты реальности. С другой стороны, это опыт затрагивает основы морали, которая под воздействием романтической иронии или экзистенциального сопротивления теряет статус высшей инстанции. Авторская позиция (своенравие, каприз, мечтательность) противопоставляется исторической необходимости или общему безразличию. Подобный подход во многом является знаком социальной усталости, которая побуждает авторов не столько обращаться к аудитории, сколько избегать гнетущего влияния рутины существования, обходиться без аудиторий, стремится достичь состояния свободного художника. В то же время происходит своеобразная инверсия: мораль подвергается критике вследствие своей литературности, несоизмеримости с творческим переживанием религиозного чувства, а также вследствие своей индифферентности к трагизму существования.

В заключении главы делается вывод о соотношении критики-откровения и критики-изобретения. В диссертации подчеркивается, что в любом случае критик находится в привилегированном положении по сравнению с аудиторией, которая не знает или не воспринимает то, что доступно в непосредственном опыте самому критику. В критике-откровении это привилегированное положение сохраняется на всем протяжении дискурса, поскольку предполагает веру в слова критика. В критике-изобретении привилегированная позиция критика сохраняется до тех пор, пока участники дискурса не освоят данную методологию (научатся здраво рассуждать, понимать истоки любого знания, видеть абсурд повседневности, решать свои внутренние проблемы), т.е. до тех пор, пока они сами не превратятся в критиков.

Если темы страдания, борьбы, одиночества, освобождения являются “вечными темами” социальной критики как этического дискурса, то таким же “вечным” является и пафос непримиримости, который характерен для иудейских пророков. Критика зачастую перерастает в отрицание всей сферы, подвергающейся разоблачению: сущее противопоставляется должному, традиции в целом объявляются предрассудками, буржуазное общество объявляется подлежащим радикальной трансформации, жизнь в повседневности расценивается как неподлинное существование. Происходит обобщение, которое носит в свою очередь не критический характер.

В социальной критике наблюдается тенденция выйти за рамки этического дискурса, противопоставляющего сферы сущего и должного. Начиная с эпохи Нового времени, этическая критика сопровождается теоретической (исходит из необходимости согласования сферы теории и практики), обращается к рациональному субъекту. Критическая установка отождествляется не только с разумом познающим, но и с разумом “инженерным”, способным использовать объективное знание в проектировании тех или иных социальных моделей. Кроме того, в социальной критике обнаруживается и эстетическое измерение, тенденция отстраниться от общества, образовав свое собственное сценическое пространство, которое формируется либо в салонных беседах и литературных конкурсах, либо продуцируется в опыте письма и создании текстов.

В третьей главе **“Социальная критика как теория и утопия”** рассматриваются особенности социальной критики, возникающей в индустриальном обществе XX века и связанной с темами освобождения (освобождения от невидимой идеологии, от функциональной рациональности, от давления системы в целом, от массовой культуры). Основное внимание уделяется роли утопии и философии в самоидентификации социального критика, в формировании его задач и целей.

В первом параграфе **“Утопия: возможности социальной рефлексии и политическое воображение”** рассматриваются черты литературной утопии, как благоприятствующие, так и не благоприятствующие социальной критике.

Утопия представляет собой не только описание воображаемого общества, но и общества, построенного как альтернатива существующему, как общество **“более совершенное”, “более разумное”, “более счастливое”**. Несуществующее общество делает более очевидными недостатки или несовершенство наличных социальных установлений, и, кроме того, несет в себе возможность рационального дистанцирования от реальности общих значений. В то же время автор диссертационного исследования обращает внимание на то, что утопия во многом перекрывает возможности социальной критики. Во-первых, переход от несовершенного к совершенному обществу исключает любое эволюционное развитие, моделирование утопического общества сравнимо с **“техникой ментального разрушения”¹¹**. Во-вторых, утопия является **“закрытой”** или свершившейся возможностью, не предполагающей иных альтернатив. И в-третьих, сама литературная форма утопии способствует тому, что идеальное общество начинает восприниматься как уже существующее (либо в процессе чтения, либо после того, как чтение завершено), что переводит внимание с проблем исторической реальности на реальность художественного образа.

Во втором параграфе **“Критическая теория Франкфуртской школы: философия и утопия как формы протеста”** раскрывается спектр тем и мотивов социального критицизма, инициированного одним из самых влиятельных направлений критической теории середины XX века.

В рамках этого направления понятие утопии приобретает новые коннотации. Утопическое знание одновременно противопоставляется практическому и теоретическому, которые символизируют несвободу мышления и привязанность к существующему социальному порядку. Анализируя связь между мотивом обращения к утопии и представлением о тотальном процессе отчуждения, в диссертации предпринимается попытка раскрытия утопических функций самого критического дискурса, который является альтернативой социальной системе, направлен на трансформацию воображения и обращен, прежде всего, к аудитории читателей, а не революционеров.

Роль философского знания в формировании представлений о субъекте и объекте критики состоит в том, что оно одновременно легитимирует социальную мысль и наделяет её некоей долей полемичности и поэтичности. Это связано с тем, что выход из конфликта с действительностью видится не в самом процессе философствования, но в длительном переживании чуждости социального бытия и в рефлексивном осознании этой чуждости.

В третьем параграфе “Критика массовой культуры, философия и элитарное знание” анализируются идеалы и способы социальной критики, которые превращают это знание в элитарное, и тем самым в заведомо утопическое, ориентированное на узкий круг людей.

Элитарность социальной критики связана, прежде всего, с мотивами разочарования в способности и возможности массовой аудитории воспринимать критику, отдавать себе отчет в реальности происходящего. Моделью социальной критики становится критика нерационального, нелогичного, неразумного общества, в котором атрофирована либо способность к восприятию философии (концепция Франкфуртской школы), либо наблюдается гипнотическое состояние культурного транса, в котором происходит потребление знаков или потребление времени (в этой связи рассматриваются концепции системы вещей Ж. Бодрийера и концепция “общества спектакля” Ги Дебора). Соответственно между критиком и его аудиторией проводится непреодолимая дистанция.

¹¹ Цит. по: Мараваль Х. Утопия и реформизм // *Утопия и утопическое мышление*. М.: Прогресс, 1991. – с. 231

Социальная критика также является элитарной в той степени, в какой она основывается на знании, рожденном в университетской и академической среде и руководствуется идеалами этой среды. В диссертации показаны особенности идеалов критического мышления и образования, присущие философии модерна и постмодерна (на примере концепций Лео Штрауса и У. Эко). В контексте философии модернизма эта критика достаточно агрессивна и бескомпромиссна, поскольку предполагает водораздел между теми, кто приобщен к высоким ценностям и теми, кто заподозрен в равнодушии к таковым. В философии постмодернизма эта демаркация становится менее очевидной, поскольку предпринимается культурными экспертами, которые не столько осуждают образ жизни обывателей, сколько помещают явления культуры в свои концептуальные рамки, напоминая литературных критиков.

В четвертом параграфе “Критика социальной рациональности: от антиутопии к постутопическому мышлению (Ю. Хабермас, М. Фуко)” предпринята попытка выявить мировоззренческие основания критики социальной рациональности, её практическую значимость и связь с утопическим мышлением на примере концепции Ю Хабермаса и М. Фуко.

Критика социальной рациональности представляет собой обращение к антиутопическим мотивам описания рационального порядка, враждебного развитию личности. Порядок защищает от неструктурированного состояния, но вместе с тем “замалчивает” хаос, который присутствует в общественной жизни, и, кроме того, воспринимает в качестве угрозы возвращения к хаосу способность индивидуального сознания выражать свое отношение к этому порядку. Именно поэтому данный стиль критики является борьбой за высвобождение экспрессивных возможностей человеческого сознания. В то же время власти рационального противопоставляется не сила иррационального, но “другая” рациональность, которая преодолевает ограниченность позитивистского, наукообразного реализма (коммуникативная рациональность Ю. Хабермаса или “удачливый позитивизм” М. Фуко).

Критика социальной рациональности не является утопической, поскольку здесь проводится идея о том, что привилегированное знание или образование не

спасает от универсальной ситуации подчинения существующим нормам. В качестве идеала предлагается не создание другого общества, не приобщение к другому знанию, но формирование другого отношения к жизни, заключающегося в особом использовании времени. В коммуникативном действии это время для взаимопонимания, которое отличается от времени, необходимого для субъект-объектных отношений, монологичных по своей направленности. В случае “удачливого позитивизма” М. Фуко – это время исследования дискурса, которое включает прослеживание всевозможных перипетий становления того или иного вида знания, исследовательское терпение (эпистемологическую скромность). Это также время понимания, отличное от времени исследования в дихотомии истинного и ложного, включенного в стандарты производства знания.

Вместе с тем, в критике рационального общества также прослеживается специфическая ориентация на утопию: на фоне “репрессивной” действительности, идеалы коммуникативного действия или текстового анализа становятся идеалами освобождения. В то же время это освобождение видится как искусство свободного мышления в условиях функционального общества, как свобода постоянно завоевываемая и ускользающая.

В заключение делается вывод о соотношении утопии, критической теории и философии. Философский элемент в теории, с одной стороны, способствует тому, что социальная критика не превращается в идеологию. Её идеалы в большей степени центрированы на индивидуальном освобождении, на проговаривании возможностей наряду с невозможностями социальных преобразований. С другой стороны, обращение социальной критики к философии имеет полемический, а не познавательный характер, и кроме того, ведет к тому, что сама социальная критика превращается в элитарное знание.

Четвертая глава “Социальная критика в ситуации культурного плюрализма” посвящена рассмотрению влияния поликультурной ситуации на формирование самосознания критика, целей и задач критического дискурса в сравнении с теоретическим.

В первом параграфе “Ситуация культурного плюрализма как проблема социальной критики” рассматриваются возможности социальной критики в

ситуации культурного плюрализма. Во-первых, это возможность критиковать общество, не замечая множественности ценностных ориентаций и культурных особенностей, и тем самым провоцировать либо межкультурную враждебность, либо непонимание. Во-вторых, признать замкнутость культурных миров и бесполезность универсальной критической позиции, что несет в себе опасность опощения критики, обосновывающей любые проекты культурными традициями. В-третьих, ситуация культурного плюрализма может рассматриваться как поток артефактов, который исключает представления о каких бы то ни было культурных границах, кроме материальных (образ “гаражной распродажи”). Отсюда приемлемой стратегией критики становится либо обличения иллюзий по поводу культурного плюрализма, который скрывает материальное неравенство; либо описание отдельных явлений культуры с точки зрения их конструирования в процессе исторических и политических практик. По мнению автора диссертации проблема социальной критики в ситуации культурного плюрализма – это проблема адекватной интерпретации социальной реальности. В связи с этим в диссертационной работе представлены модели социальной критики, в которых проблема культурных различий либо существует, либо подразумевается.

Во втором параграфе **“Этиологическая интерпретация социальной действительности: наука – критика – литература”** анализируется эволюция этнологических методов интерпретации культурных традиций.

Пример этнологии является показательным в том отношении, что он демонстрирует общую тенденцию перехода от позитивистской интерпретации, нечувствительной к культурным особенностям, к интерпретации субъективно-феноменологической, нацеленной на выявление различий. Механизмом объективного исследования этнолога является форма стороннего наблюдения образа жизни той или иной культуры. При этом субъектом наблюдения является “Одинокий этнолог”¹², а объектом изучения – “примитивные”, “простые”, “дописменные” общества. Несмотря на то, что названные термины употреблялись в бытовых выражениях, они косвенно несли в себе критику наблюдаемого образа жизни как существования, недостигнутого уровня Западной цивилизации.

¹² Rosaldo, Renato *Culture and Truth*. Boston: Beacon Press, 1989. – P. 31.

Однако вскоре этнология воспринимает импульс социальной феноменологии, т.е. ставит перед собой задачу не просто понять другие культуры и приспособить это знание к уже существующему, но понять “другие формы жизни в их собственных терминах”¹³. Так называемые “туземцы” наделяются статусом субъектов диалога, а зачастую сами становятся этнологами, получая европейское образование. Этнолог как социальный критик может выполнять представительские функции: он выступает за признание интересов и ценностей, существующих в данной культуре, артикулирует и формулирует проблемы, смутно осознаваемые коренными жителями, разоблачает идеологические влияния. Кроме того, этнолог, работая на стыке, по меньшей мере, двух традиций становится более чувствительным к стереотипам и предрассудкам, существующим в его собственной культуре.

В современной этнологии постулат адекватности перерастает в стремление передать множественность голосов той или иной культуры, уловить полифонию смыслов и игру культурных значений за, казалось бы, связным повествованием. Этот метод, основанный на принципах деконструкции и приближающий этнологию к литературному творчеству, также не лишен своего критического потенциала, поскольку направлен против упрощенного видения культурных традиций как экспонатов в музее истории.

В третьем параграфе “Социальная критика как “искусство дифференциации” (М. Уолцер)” рассматриваются особенности модели социальной критики, предложенной американским политологом и философом М. Уолцером. Идеалом социальной критики становится интерпретация того или иного явления, исходя из культурного контекста, а идеалом критического мышления осознание границ собственного знания и требований. Смысл интерпретации заключается в самом процессе интерпретации, в поддержании дискуссии, атмосферы вопросов и ответов. “Лучше рассказывать истории – лучше, несмотря на то, что не существует окончательной и лучшей истории, ...которая оставила бы всех будущих рассказчиков без работы”¹⁴.

¹³ Rosaldo, Renato Op. cit. P. 26.

¹⁴ Walzer M. *Interpretation and Social Criticism* Cambridge, 1987. P. 65.

В диссертации анализируются основные принципы этой критики, которые сравниваются с принципами этнологии (принцип толерантности, принцип солидарности, принцип контекстного анализа), а также принципами прагматизма (сдержанный релятивизм). Кроме того, выделяется особая тема этой критики – проблема реалистического отображения границ, без которого сама критическая интерпретация становится надуманной и искусственной и представляет род интеллектуальной тирании.

Прагматизм социальной критики данного типа также обладает своими особенностями. Во многом благодаря своей прагматической направленности социальная критика оказывается искусством балансирования между “служением” истине и “солидарностью”, между универсализмом и партикуляризмом, между собственно критикой, напоминающей о том, что не существует идеального состояния общества, и апологией, защищающей нормы, принятые и разделяемые теми, кого эти нормы касаются. В то же время апелляция к “нравственному чувству” отличает критика не только от идеалиста, но и от прагматика, поскольку это чувство может препятствовать эффективности теории, оно является не столько залогом успеха, сколько залогом существования самой критической интерпретации как этического дискурса.

В четвертом параграфе **Этика дискурса: возможности универсального разума** анализируется концепция критического разума, разрабатываемая в рамках современной критической теории (Ю. Хабермас, К.-О. Апель, Ш. Бенхабиб). Контекстному анализу в этой концепции противопоставляются общие правила формирования оценочных суждений и вынесения решения, а солидарности – возможность достижения рационально обоснованного консенсуса.

В диссертации разбираются общие правила этики дискурса, которые предполагают анализ социальных, лингвистических и нормативных условий коммуникации, тем самым способствуя межкультурному диалогу. К подобным правилам относится, прежде всего, приоритет дискурса в разрешении любых конфликтных ситуаций. Это правило сложно обосновать с точки зрения постоянного нравственного чувства, и в то же время его сложно поддерживать лишь формальными мерами права. Возможность соблюдения этого правила

предполагает возможность обращения к человеку как человеку, руководствующему разумом вообще (или здравым смыслом).

Следующим правилом является устранение всевозможных идеологем, возникающих в процессе коммуникации вследствие неправильного употребления слов и терминов. Цель критики состоит в прояснении и артикуляции недоговорок, в анализе употребления моральных императивов, которые содержат в себе скрытую претензию на монологичность высказывания. Залогом осуществления этого правила является, прежде всего, аналитическая культура работы со словом, т.е. обращение к аналитическому разуму.

И, наконец, третий принцип подразумевает правило морального обоснования социальных норм в процессе дискурса. Предпосылкой соблюдения этого правила является реальный (или воображаемый) дискурс, в котором участвуют те, кого эти нормы касаются. Задача социальной критики, ориентирующейся на этику дискурса, состоит в том, чтобы “разблокировать” ложные предпосылки, тематизировать сам процесс коммуникации, превратить практическое знание в предмет обсуждения (трансформировать неосознаваемое know-how в know-that), т.е. происходит обращение к теоретическому разуму, способному абстрагироваться от непосредственных ситуаций.

Этика дискурса является не только критикой, но и способом конструирования дискурса, посредством самокритики разума. Создавая идеальные условия для вынесения суждений и для социальной критики в целом, этика дискурса в то же время оставляет открытыми следующие проблемы. Во-первых, это проблема реального, а не воображаемого диалога, в котором действуют не только рациональные, но и эмоциональные субъекты. Кроме того, это проблема межкультурного диалога, в котором рациональность каждого участника формируется на основе тех или иных культурных предпосылок. В любом случае это проблема соотношения обобщенного и конкретного “Другого”.

В заключении делаются выводы относительно особенностей социальной критики в ситуации культурного плюрализма. С одной стороны, социальная критика приближается к литературному жанру, с другой – к повседневному знанию. Желание понять повседневность из неё самой отличает критическую

установку от повседневной, а стремление избавиться от отношений принуждения от идеологического воздействия (под которым понимается также тирания разума) отличает эту критику от литературы. Кроме того, социальная критика, ориентируясь на принципы взаимопонимания, уважения, толерантности превращается в событие культурного взаимодействия. Она инициирует коммуникацию и в то же время инициирует самокритику и взаимную интерпретацию, которая препятствует тому, чтобы эта коммуникация не оборвалась, не превратилась в монолог, либо в скоропалительный консенсус.

В **Заключении** подводятся основные итоги и формулируются общие результаты проведенного исследования.

Основные положения диссертации отражены автором в следующих публикациях:

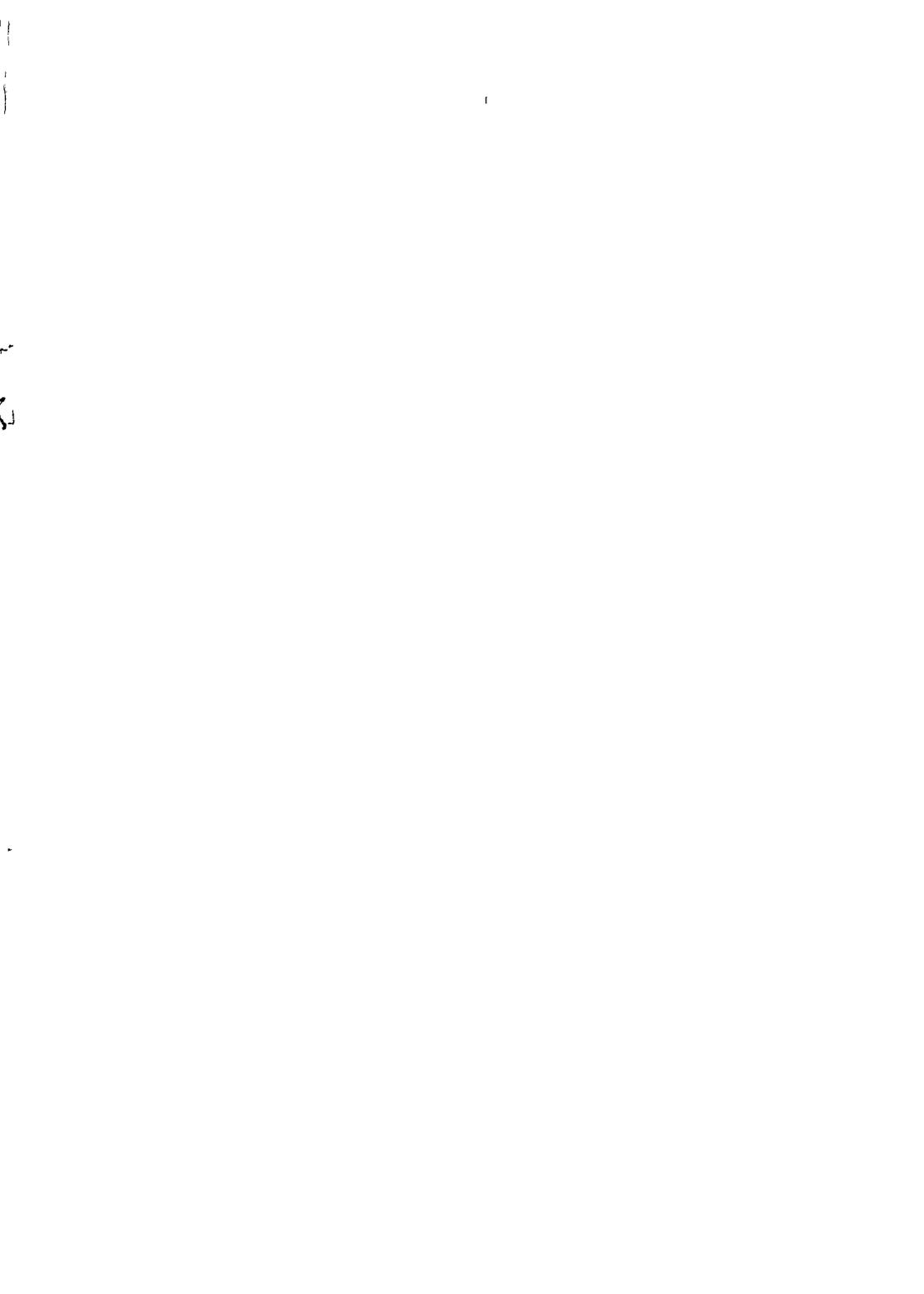
1. “Экзистенциальная модель философствования” // Восток – Запад. Диалог культур и цивилизаций. М., 2000. стр. 346-349.
2. “Проблематика абсурда в XX веке: “вечные вопросы” и “бесконечные ответы”// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия философия. 2001, N2. стр.154-162.
3. “Деструкция метанарративов в философском дискурсе XX века” // Рационализм и культура на пороге III-его тысячелетия: Материалы Третьего Всероссийского Философского Конгресса(16-20 сентября). Ростов-на-Дону, 2002. стр. 48.
4. “Социальная критика в ситуации культурного плюрализма” // Поликультурное общество: стабильность и коммуникация. М.: “Уникум-центр”, 2003. – С. 74-84.

Рудановская Светлана Валерьевна
Социальная критика: модели практического знания

В диссертационном исследовании анализируются модели социальной критики, разработанные в рамках современной социальной теории и философии модерна и постмодерна. Огромное внимание уделяется исследованию сущностной взаимосвязи между идеальными представлениями о реальности и проектами её преобразования. Особенности социальной критики как практического знания раскрываются в контексте присущих ей способов самообоснования и коммуникативных возможностей.

Rudanovskaya Svetlana
Social Criticism: Models of Practical Knowledge

The thesis represents a thorough analysis of models of social criticism elaborated in modern and postmodern philosophy as well as in contemporary social theory. Great emphasis has been placed on the essential connection between ideal pictures of reality and practical projects of its transformation and overcoming. The special character of social criticism as practical knowledge is being examined in the light of its self-legitimization and inner possibilities for communication.

2003-A
20243

20243